

РОМАН ГРОМОВ

Антон Марти.
Философия языка
брентановской школы
Предисловие к публикации¹

«Министр по делам философии языка» брентановской школы — так однажды назвал Антона Марти его ближайший ученик и последователь Оскар Краус. Этот эпитет отражает не только главную направленность философских интересов Марти, в центре которых всегда находились проблемы философии языка, но и то специфическое место, которое он занял в философском течении, инициированном Францем Brentano. В этом течении можно выделить два крыла. Воспользовавшись собственной брентановской характеристикой, к первому можно отнести тех его учеников, которых он называл сепессионистами². К их числу принадлежат А. Майнонг, Э. Гуссерль, К. Твардовский, т. е. те из числа его бывших учеников, которые либо демонстративно дистанцировались от него, либо развивали собственные концепции в критической направленности по отношению к ключевым положениям его учения. Ко второму крылу относятся, так называемые, ортодоксальные сторонники Brentano. Это крыло возглавил в свое время Марти, к которому примкнули О. Краус, А. Кастиль, Э. Утиц, Г. Катков, Ф. Хиллебранд³. В этом кругу не только предпринимались апологетические усилия по защите философии Brentano, но велось также дальнейшее развитие ее исходных постулатов в философии языка, этике, эстетике, теории познания. О. Краус следующим образом резюмировал стиль работы Марти: «Профессиональный путь Марти нераздельно связан с профессиональным путем Brentano; там, где он был с ним согласен, но подкреплял

¹ Статья выполнена в рамках программы «Brentano и его школа: развитие проблем сознания и интенциональности в феноменологии и аналитической философии XX. в.» (проект № 01–03–00280а) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

² См. Haller R. Studien zur *sterreichischen* Philosophie. Rodopi, 1979, S. 30. *Sezession* (нем.) означает отпадение или отделение, например, части государства. Использовалось в качестве названия ряда независимых объединений немецких и австрийских художников конца 19 начала 20 вв.

³ Некоторое время к пражскому кругу брентанистов примыкал Франц Кафка, посещавший в 1902–1906 годах заседания «внутреннего круга» брентанистов в Café Louve в Праге и прослушавший в зимний семестр 1902 года курс лекций Марти по дескриптивной психологии.

позиции учителя новыми основаниями, защищал от атак противников; там, где он от него отклонялся, взвешивал с особой тщательностью каждую деталь, говорившую в пользу положений его учителя и друга, и, как заметил Гуссерль, сделал для себя максимой, только в самом крайнем случае отклоняться от него»⁴. Неслучайно, поэтому, что именно Прага, где Марти долгие годы был ректором немецкого университета и где его влияние было наиболее ощутимым, стала, между мировыми войнами, главным центром брентановской школы. Здесь разместился архив Брентано, было учреждено брентановское общество, велась работа по публикации его архива.

Вместе с тем было бы неверно ограничивать значение Марти лишь цеховыми рамками данной философской школы. В пользу этого говорит несколько принципиальных соображений.

Философия языка Марти представляет собой существенный момент в развитии языкознания 20-го века, без которого вряд ли можно дать адекватную картину трансформации исследований в этой области на рубеже 19–20 веков. Его оригинальным вкладом можно признать интенциональную концепцию языка как намеренного (*absichtlich*) социального действия; проект общей семантики, ориентированный на коммуникативную теорию значения; телеологическую и функциональную модель описания языка. Его идеи были восприняты как внутри брентановской школы — они оказали существенное влияние на развитие теорий языка и значения Гуссерля, Твардовского, Майнонга, — так и вне ее. Его концепция языка как средства социальной коммуникации легла в основу инструменталистской модели языка («*Organon-Modell der Sprache*») Карла Бюлера⁵. Идея «общей грамматики» нашла отклик в Московском лингвистическом кружке и стала одним из оснований для проводимой здесь критики позитивизма в науках о языке. Она также использовалась Р. Якобсоном и Г. Винокуром при доказательстве обоснованности проблематики языковых универсалий⁶. В Праге слушателем Марти был один из основателей Пражского лингвистического кружка Вильгельм Матезиус, также опиравшийся на Марти в критике позитивистского подхода в лингвистике⁷. Философия языка Марти может быть признана одной из важнейших составляющих в истории восточно-европейского структуралистского движения, лингвисты и литературоведы Пражского лингвистиче-

⁴ Kraus O. *Martys Leben und Werke* // A. Marty *Gesammelte Schriften*. Halle, Verlag von Max Niemeyer, 1916, Bd. 1, Abt. 1., S. 67.

⁵ В «Теории языка» (1934) Бюлер, говоря о главных источниках своих идей, поставил Марти в один ряд с Платоном, В. фон Гумбольдтом, Кассирером, Гомперцем, Гуссерлем, Соссюром и школой Майнонга. (см. Бюлер К. «Теория языка». М., Прогресс, 2000, с. 10). Бюлеру же принадлежит одна из наиболее обстоятельных рецензий на «Исследования основания общей грамматики и философии языка» Марти, в которой наиболее значимый вклад Марти в философию языка он видит в инициации им разработок функционального подхода к языку (см. В hler K. *Anton Marty. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie* // *G ttingische gelehrte Anzeigen*, 1909, № XII, S. 967).

⁶ См. Винокур Г. О. «В возможности всеобщей грамматики» // *Вопросы языкознания* 1988 № 4.

⁷ В работе «О потенциальности феноменов языка» Матезиус опирался на Марти в критике философии языка В. Вундта и обосновании коммуникативной концепции языка (см. *Mathesius V. On the Potentiality of the Phenomena of Language* // *Praguiana Some Basic and Less Known Aspects of the Prague Linguistic School*. Praha, 1983, Academia, p. 61–62.

ского кружка были не только знакомы с его телеологической концепцией языка, но она была одной из важнейших предпосылок развитого в восточно-европейском структурализме функционально-прагматического подхода к языку. Предпринимались также интересные попытки сравнительного анализа учения Марти с идеями Соссюра⁸ и Хомского⁹.

Кроме того, Марти никогда не элиминировал в своих философско-языковых исследованиях традиционную эпистемиологическую и онтологическую проблематику. Философская критика языка не была для него ни самоцелью, ни средством устранения из философии традиционных псевдо-проблем, напротив, она стала у него методологической основой для прояснения таких фундаментальных теоретико-познавательных и аксиологических понятий, как истина, очевидность, априори, необходимость, реальное, ценность, интенциональный предмет. Тематически произведения Марти находятся в тесном единстве с проблематикой таких ключевых направлений западноевропейской философии начала 20-го века, как ранняя феноменология, грацкая школа теории предметов и представляет собой важный вклад в развитие современной теории познания и онтологии¹⁰.

Биография

Антон Марти родился 18 октября 1847 года в швейцарском городе Швиц (Schwyz) в семье Якоба Марти и Элизабет Райхлин. Он был девятым из одиннадцати детей этой супружеской пары. По-видимому, под влиянием религиозного отца все сыновья выбрали путь духовного служения. Антон после окончания монастырской школы в Швице поступает в духовную семинарию города Майнц, бывшую в то время идейным центром народного католического движения в Германии за церковные свободы (ультрамонтанизма), и по ее окончании в 1869 году принимает сан католического священника. По рекомендации своих духовных наставников он отправляется осенью 1868 года

⁸ См. работы Spinicci P. *Phänomenologischer Objektivismus und Sprachpragmatik: Grundkonzepte der Sprachauffassung Anton Marty* // *Zeitschrift für Semiotik*, Bd. 23, Heft 1 (2001) и Savina R. *Anton Marty filosofo del linguaggio. Uno strutturalismo presausseriano*. Roma, La Goliardica, 1982.

⁹ См. статьи Kuroda S-Y. *Anton Marty and the Transformational Theory of Grammar* // *Foundations of Language*, 1972, № 9; он же «Edmund Husserl, "Grammaire générale et raisonnée" and Anton Marty» // *Foundations of Language*, 1973, ¹ 10.

¹⁰ Высокая ценность проведенных Марти исследований признавалась самими представителями указанных течений, в частности, Гуссерлем (см. Husserl E. *Besprechung von A. Marty Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie* // *Husserliana*, Den Haag 1979, Bd. XXII, S. 264). Из современных авторов, к примеру, Б. Смит и К. Маллиган рассматривают Марти как оригинального представителя предметно-теоретических исследований (онтологии *Sachverhalt*) (см. Smith B. *Austrian Philosophy. The Legacy of Franz Brentano*. Open Court Publishing Company, 1994; Mulligan K. *Marty's Philosophical Grammar // Mind, Meaning and Metaphysics. The Philosophy and Theory of Language of Anton Marty*. Kluwer Academic Publishers, 1990). Однако, приходится констатировать, что к настоящему времени еще не появилось систематических исследований по разработкам Марти в указанных сферах. В качестве исключения можно сослаться на статью Mayer-Hillebrand F. *Einleitung der Herausgeberg* // *F. Brentano Abkehr vom Nichtrealen*, Francke Verlag, Berlin und München, 1966.

в Вюрцбург¹¹ прослушать лекции близкого в то время к ультрамонтанизму католического священника и приват-доцента вюрцбургского университета Франца Brentano, встреча с которым стала, без преувеличения, поворотным моментом в личной и профессиональной судьбе Марти. О том, какое глубокое впечатление произвело на Марти знакомство с Brentano, свидетельствует его дневниковая запись того времени, приведенная Оскаром Краусом, в которой он пишет об этом вюрцбургском времени как об открытии нового мира¹². Хотя заочное знакомство с Brentano состоялось несколько раньше – в 1867-ом году Марти пишет конкурсную работу «Учение святого Фомы об абстракции сверхчувственных идей из чувственных образов вместе с изложением и критикой прочих теорий познания», где наряду с критикой немецких идеалистов он восхищенно цитирует работы Тренделенбурга и Brentano (диссертацию 1862 года «О разнообразии значений сущего по Аристотелю»). Вскоре знакомство переросло в многолетнюю близкую дружбу и Марти вместе с Карлом Штумпфом становится ядром первого вюрцбургского круга учеников Brentano¹³.

О степени влияния Brentano на его учеников говорит тот факт, что именно он убеждает Штумпфа выбрать в качестве жизненного призвания путь католического священника. Осенью 1869 года тот поступает в духовную семинарию Вюрцбурга, однако уже на следующий год, опять же под воздействием учителя, оставляет ее. Эти перипетии в судьбе Штумпфа были связаны с тем, что на рубеже 60–70 годов сам Brentano переживает глубочайший мировоззренческий кризис. После многолетних попыток дать рациональное, непротиворечивое обоснование христианской догматике он разочаровывается в возможности реализовать томистскую программу взаимоотношений теологии и философии, в результате чего приходит к духовному разрыву с церковью. Хотя официально он слагает с себя сан священника тремя годами позднее, в страстную пятницу 11 апреля 1873 года, в результате чего теряет также место экстраординарного профессора в Вюрцбургском университете. В отличие от Штумпфа, Марти узнает об этом событии уже *post factum*. Brentano ни устно, ни письменно не ставил его в известность о произошедших изменениях в его взглядах. Однако, убежденный Brentano, он также снимает с себя сан священника и оставляет место профессора философии в лицее Швица, которое он занимал с 1869 года. Без перспектив и планов на получение дальнейшей работы он отправляется, по совету Brentano, в Геттинген к Герману Лотце, у которого в 1875 году защищает диссертацию на степень доктора. В том же году публикуется его первая крупная работа «О происхождении языка»¹⁴. Благодаря публикации этой книги, вызвавшей положитель-

¹¹ Здесь имеет место разночтение. Мы исходим из воспоминаний Штумпфа (см. Stumpf K. *Erinnerungen an Franz Brentano* // Kraus O. *Franz Brentano. Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre*, München, Oskar Beck, 1919. Оскар Краус датирует поездку в Вюрцбург 1869 годом (см. Kraus O. *Martys Leben und Werke*, S. 4.)

¹² Kraus O. *Martys Leben und Werke*, S. 4.

¹³ Вторым кругом можно назвать тех учеников (Гуссерль, Майнонг, Твардовский), которые группировались вокруг него в венском университете (1874 – 1894).

¹⁴ В качестве диссертации была представлена «Критика теорий происхождения языка» (*Kritik der Theorien über den Sprachursprung*, Richter, Würzburg 1875), которая вошла в качестве

ные отклики, а также при поддержке Brentano, который получил к тому времени место ординарного профессора в венском университете, Марти получает приглашение в университет в Грезновицах. В 1879 году он публикует книгу «Вопрос об историческом развитии чувства цвета»¹⁵ и уже в следующем году его приглашают в немецкий университет Праги. На восьмидесятые и девяностые годы приходится пик популярности и влияния Марти. Свидетельством этого становится его избрание в 1890 году деканом философского факультета немецкого университета Праги и приглашение в 1894-ом в венский университет. Несмотря на то, что при голосовании его кандидатура набрала наибольшее количество голосов, его назначение не было санкционировано министерством по причине его прошлого, связанного со сложением сана священника. Но в том же году Марти получает своеобразную моральную компенсацию — его выбирают на должность ректора немецкого университета города Праги, которую он занимал до 1913 года. В 1908 году он публикует главный труд своей жизни «Исследования основания общей грамматики и философии языка»¹⁶, который был посвящен другу и учителю Францу Brentano. Эта книга планировалась как первый том более обширной работы «К вопросу об общей грамматике и философии языка»¹⁷, однако этот замысел так и остался незавершенным — Антон Марти умер 2 октября 1914-го года в своей квартире в Праге от внутреннего кровотечения¹⁸.

Публикации

Творчество Марти можно разделить на три этапа¹⁹. При этом речь не идет о четкой временной периодизации, но скорее об изменении общих тенденций в тематике его исследований. К первому этапу можно отнести работы, опубликованные в первые 20 лет его творчества, а именно «О происхождении языка» (1875), «Вопрос об историческом развитии чувства цвета» (1879), а также серию из десяти статей под общим названием «О языковом рефлексе, нативизме и намеренном формировании языка», опубликованную с 1884 по 1892 годы²⁰. Все их объединяет общая проблематика происхождения языка и эволюции языковых средств, которая рассматривается с генетической или диахронической точки зрения. Переходной ко второму этапу

первой части в книгу «О происхождении языка» (*ber den Ursprung der Sprache*, Stuber, W rzburg, 1875)

¹⁹ Более детальную периодизацию на четыре этапа см. у Р. Эгиди (Egidi R. Anton Marty – Eine Sprach-philosophie // *International Bibliography of Austrian Philosophy*, Amsterdam – Atlanta, GA, 1992).

¹⁵ Marty A. *Die Frage nach der geschichtlichen Entwicklung des Farbensinnes*, Gerold, Wien, 1879.

¹⁶ Marty A. *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*, I., Niemeyer, Halle, 1908.

¹⁷ Исходный план работы («Beitrage zur allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie») был опубликован Отто Функе после смерти Марти см. Marty A. *Psyche und Sprachkritik*. Hrsg. Funke O., Francke, Berlin, 1940.

¹⁸ О. Краус датирует смерть Марти первым октября.

²⁰ *ber Sprachreflex, Nativismus und absichtliche Sprachbildung* // *Vierteljahrsschrift fr wissenschaftliche Philosophie*, 1884–1992 (8–16), см. также в *Gesammelte Schriften*, I. Bd., 2. Abt., S. 1–134.

можно считать предлагаемую отечественному читателю статью «Об отношении грамматики к логике» (1892), где на передний план выдвигается проблема построения общей теории значения. Сюда же относится серия статей «О бессубъектных предложениях и отношении грамматики к логике и психологии»²¹. В 1908 году выходят «Исследования основания общей грамматики и философии языка», в которых развивается идея общей семасиологии. В 1910 году публикуется книга посвященная проблеме времени и падежа в философии языка «К вопросу о философии языка. “Логические”, “локальные” и другие теории падежа», которая была нацелена на критику «этнической психологии» Вундта²². В последние годы в центре интересов Марти оказывается проблема времени и пространства, в связи с чем можно говорить о третьем, последнем этапе его творчества. Подготовленная в это время и посвященная этой проблематике книга «Пространство и время» была опубликована уже после смерти автора его ближайшими учениками Оскаром Краусом и Альфредом Кастилем²³. Незавершенные части намечавшегося второго тома «Исследований основания общей грамматики и философии языка» были опубликованы учеником Марти Отто Функе в виде трех отдельных книг «Предложение и слово» (1925), «О ценности и методе описательного учения о значении» (1926), «Психика и структуры языка» (1940)²⁴.

Идея научной философии Brentano

Первым лекционным курсом Brentano, который Марти прослушал в Вюрцбурге, были курс лекций по истории философии. В нем излагалась уже сформировавшаяся к тому времени теория четырех фаз развития философии²⁵. Данная концепция не ограничивалась лишь рамками сугубо историко-философской проблематики, но была также основой для оценки современного состояния философии и перспектив ее дальнейшего развития. Исходя из предположения о закономерном развитии философии, Brentano оценивает современную философию, подразумевая в первую очередь немецкий идеализм, как завершение новоевропейской традиции и фазу глубочайшего декаданса философии эпохи Нового времени. Смысл же современного этапа ее развития виделся ему в восстановлении прерванной традиции научного философствования, которую для Brentano олицетворяли Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Лейбниц, Локк. Он указывает два признака научного

²¹ über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zur Logik und Psychologie // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, 1884–1895 (8–19), см. также в Gesammelte Schriften, II. Bd., 1. Abt., S. 1–307.

²² Marty A. Zur Sprachphilosophie. Die «logische», «lokalistische» und andere Kasus-theorien. Niemeyer, Halle, 1910.

²³ Marty A. Raum und Zeit. Niemeyer, Halle, 1916.

²⁴ Marty A. Satz und Wort, Bern, Francke, 1925; über Wert und Methode einer beschreibende Bedeutungslehre, Stiepel, Reichenberg i. Böhmen, 1926; Psyche und Sprachstruktur. Bern, Francke, 1940.

²⁵ См. изложение этой концепции у Твардовского К. «Франц Brentano и история философии» // Твардовский К. «Логико-философские и психологические исследования». М., РОССПЭН, 1997.

философствования: преобладание в научной философии чисто теоретических интересов и использование в философии «естественных методов познания», которые на всех этапах его творчества отождествлялись им с методами естественных наук. Оба критерия в виду лапидарности тезисов нуждаются в конкретизации, тем более, что с учетом Brentano'sкого учения в целом они могут показаться даже противоречивыми. Например, Brentano не только настаивает на четком разграничении теоретической и практической проблематики, но даже приходит, в рамках своей историко-философской концепции, к их противопоставлению. Доминирование теоретических или практических интересов в философии служит для него признаком разных этапов ее развития, а по существу, разных идеальных типов философствования, которые периодически повторяются в разные эпохи. Начало упадка научной философии в Античности, в Средние века и Новое время начинается, по его мнению, именно с «прагматизации» ее проблематики, с подчинения философских исследований целям социально-политической практики, что сопровождается ее популяризацией и приводит, в конечном счете, к возникновению скептицизма. Например, в Античности упадок философии наступает с началом кризиса религиозных и государственных институтов, с расцветом философских школ (стоицизм, эпикуреизм), выходом философии за рамки исключительно научно-теоретического дискурса и превращением ее в эрзац народной религии. Его обоснование научной философии представляется в этом контексте родственной идее логических позитивистов по четкой демаркации между философской теорией и морально-политической практикой. С другой стороны, в этой же теории – в той форме, в которой она представлена в докладе «Четыре фазы философии и ее современное состояние»²⁶ – философия выступает в роли важнейшего культурообразующего фактора, Brentano связывает кризисы культуры и их преодоление в различные эпохи с трансформацией методов собственно философских исследований. Это объясняется тем, что кризисы религиозных и государственных авторитетов имеют, по его мнению, эпистемологическую природу. Речь идет о неспособности соответствующих институтов дать убедительные ответы на «фундаментальные» вопросы человека, к каковым он относит: доказательство бытия бога, вопросы теодицеи, смысла и цели существования мира, природы и бессмертия души. В некоторых статьях²⁷ он говорит как о теоретических, так и об актуальных как никогда практических (социальных) потребностях возрождения научной философии, которые связывает с поиском целостного мировоззрения в ситуации кризиса традиционной христианской идеологии и бурного развития естественных наук. Более того, научная философия рассматривается как возможная форма будущей квази-религии, т. е. как основа нового «облагороженного» оптимистического мировоззрения, которое должно занять место христианской идеологии и дать в противовес современным формам пессимизма рационально убедитель-

²⁶ Brentano F. Die vier Phasen der Philosophie und ihr augenblicklichen Stand. Leipzig, Verlag von Felix Meiner 1926, S. 31–32.

²⁷ См. Brentano F. über die Gründe der Entmutigung auf philosophischem Gebiet // Brentano F. über die Zukunft der Philosophie. Hamburg, Verlag von Felix Meiner 1926, S. 99.

тельное решение «фундаментальных» вопросов. Научная философия, таким образом, не истолковывалась лишь как теоретическое внутри университетское предприятие. Обоснование научной философии и доказательство ее социо-культурной значимости в ситуации кризиса университетской философии середины 19-го века, когда на выполнение мировоззренческих функций по определению социальных и индивидуальных ориентиров стали претендовать естественные науки, означало, по сути, попытку вернуть философии ее традиционную роль жизненно-ориентирующей дисциплины. Но как это согласуется с противопоставлением теоретической и практической мотивации в философском исследовании? Каким образом в научное философское исследование должна была интегрироваться мировоззренческая, морально-политическая проблематика?

Возникает вопрос также относительно отождествления метода философии с методом естественных наук. Здесь, с одной стороны, напрашивается аналогия с позитивистским требованием методологического единства наук, с другой, эта аналогия в значительной степени нейтрализуется многочисленными оговорками, которые встречаются в комментариях последователей Brentano и более поздних исследователей, согласно которым речь не идет о буквальном заимствовании естественнонаучных методов, но скорее об утверждении общности принципов исследования, или же этот тезис понимается преимущественно в негативном смысле как отказ философии в обладании собственными оригинальными методами, выделяющими ее из ряда прочих наук. В любом случае остается вопрос о границах подобной аналогии и ее конкретных реализациях. Эти вопросы представляются значимыми не только в отношении самого Brentano, они важны также для понимания генезиса Brentanovской школы в целом, в частности, для объяснения того факта, каким образом философия и психология Brentano могла стать единым источником столь разноплановых проектов, как феноменологические проекты Husserl и Штумпфа или универсальные грамматики Husserl и Marti.

В диссертационных тезисах 1866 года, которые резюмируют философскую программу раннего Brentano, он заявляет, что: «Истинный метод философии есть не что иное, как метод естественных наук»²⁸. Штумпф в одном из писем к нему позднее писал: «Этот тезис и то, что с ним связано также было тем, что с восторгом привлекло Marti и меня под Ваше знамя»²⁹. Но как уже отмечено, сам тезис нуждается в уточнении как в отношении понятия философии и ее метода, так и в отношении понятия метода естественных наук. В первом томе «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874) Brentano проводит базисное для своего определения философии и системы науки в целом разделение двух ветвей эмпирического познания – естественных наук и психологии. Эта классификация основывается на различии двух качественно отличных и нередуцируемых друг к другу классов явлений – физических и психических феноменов, а также двух независимых друг от друга источников их познания – внешнего и внутреннего восприятия. Brentano отказывается в первом томе «Психологии с эмпирической

²⁸ Четвертый тезис, см. Brentano F. Die Habilitationsthesen. S. 137.

²⁹ Цитируется по Kraus O. Martys Leben und Werke, S. 4.

точки зрения» от субстанционально-онтологического определения их предмета (как наук о материальных и духовных телах или субстанциях), и определяет их как науки о физических и психических феноменах. Но то, что речь здесь идет все же о компромиссном и предварительном определении свидетельствует то, что он, тем не менее, не исключал из психологии проблему духовной субстанции. Последняя шестая книга «Психологии» должна была быть посвящена возможности бессмертия и отношению телесного и духовного существа, более того, в более поздних текстах он прямо говорит о психологии как науке о душе и «душевных явлениях».

Утверждая методологическое единство наук, Brentano отрицает, тем самым, их предметное единство. Точнее, обоснование у него методологического единства наук не предполагает единства их предметной сферы, как это имело место у логических позитивистов³⁰. В «Психологии» выделяется еще одна ветвь эмпирического познания — метафизика, которая определяется как эмпирическая наука о «фактах, которые в равной мере доказуемы в сфере внешнего и внутреннего опыта»³¹. Имеются в виду общие законы, не ограниченные определенной предметной сферой, примером которых для Brentano служил, в частности, закон каузальности. Таким образом, метафизика понимается как наука о феноменах вообще. Она обозначается в качестве эмпирической дисциплины, поскольку она опирается на более узкие по предмету естественнонаучные и психологические исследования, следовательно, зависит от уровня развития частных наук и является завершением системы научных знаний в целом. Но это не значит, что ей отводилась в отношении частных дисциплин лишь вторичная систематизирующая роль. Отличаясь от частных наук степенью общности предмета, она также имеет оригинальную проблематику. Внутри метафизики, понятой в широком смысле слова, Brentano различает теорию познания, как апологию возможности истинного знания; метафизику в узком смысле слова, как общую теорию сущего или категориальное учение; философскую теологию, как науку о первой причине; космологию, как науку о мировом целом³². Оценивая эту концепцию в целом, можно сказать, что она представляет собой консервативную попытку *сохранить за философией и психологией традиционную для аристотелевско-томистской традиции проблематику, интегрируя ее с нормами и практикой современного научного исследования, и тем самым преодолеть разрыв между спекулятивными и эмпирическими дисциплинами.*

Эта общая схема не отражает сложного характера отношений между философскими дисциплинами внутри метафизики, а также их отношений к психологии и естественным наукам. Неверно было бы также понимать ее как жесткую и окончательную систему наук. В отличие от Штумпфа и Марти, которые предприняли систематическую разработку проблемы класси-

³⁰ См. о различиях в позициях Brentano и Карнапа Sauer W. *Erneuerung der Philosophia Perennis: über die ersten vier Habilitationsthesen Brentanos // Skizzen zur österreichischen Philosophie.* Hrsg. R. Haller. Amsterdam — Atlanta, GA 2000, S. 135–136.

³¹ Brentano F. *Psychologie vom empirischen Standpunkt.* Hrsg. O. Kraus, ND Hamburg. Bd. 1, 1973, S. 9.

³² См. Tiefensee E. *Philosophie und Religion bei Franz Brentano.* A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 1998, S. 221ff. и 251 ff.

фикацию наук³³, Brentano ограничился черновыми набросками, в которых классификация наук и взаимосвязь между ними постоянно переинтерпретировалась в зависимости от контекста и целей актуальной дискуссии. В этом сказывается общий стиль работы Brentano, концентрировавшегося на конкретных проблемах и неустанно моделировавшего их возможные решения, нацеленные не столько на получение окончательной систематической формы, сколько на постоянное экспериментирование и нюансирование проблематики, выделение ее все новых аспектов и возможных подходов. И все же можно выделить несколько общих принципов, которым следовали при систематизации наук Brentano и его ближайшие ученики.

Brentano дистанцируется от систематических попыток в гегелевском духе по выстраиванию единой генеалогии наук на основании единообразных принципов классификации. Одни и те же истины могут принадлежать разным наукам, поэтому следует признать множественность альтернативных, в равной мере оправданных классификаций. По выражению Штумпфа, науки не группируются вокруг одной точки, но скорее подобны пересекающимся волнам, исходящим из разных пунктов. Таким образом, науки не могут быть дедуцированы из одних базисных принципов, не существует также единой науки, которая могла бы включать в себя прочие науки как свои части. Отношения между науками Brentano был склонен описывать в виде иерархического порядка, в котором различаются, в соответствии с теми или иными принципами классификации, низшие и высшие дисциплины. Например, речь могла идти об отношениях зависимости и фундирования между науками исторически более ранними и более поздними. Brentano воспроизводит в данном случае контровскую шкалу наук, в частности, естественные науки и физиология выступают в качестве фундамента для менее зрелой и молодой психологии. Они относятся к ней подобно тому, как физика к более молодой химии, психология зависит от них в степени своего совершенства³⁴. С другой стороны, иерархия может выстраиваться с точки зрения логического приоритета того или иного исследования и в этом случае может происходить инверсия отношений, например, дескриптивная психология имеет логический приоритет перед физиологией, поскольку дает ей концептуальное обеспечение, а именно определяет понятие и структуру психических явлений, на каузальное объяснение которых нацелено физиологическое исследование. Таким образом, отношения между науками у Brentano не одномерны. Хотя они описываются в виде иерархического порядка, он отказывается от попыток выстроить их единообразную иерархию. Помимо разделения наук на естествознание и психологию, он различает их также по предмету на конкретные и абстрактные³⁵. По эпистемиологической значи-

³³ См. Stumpf C. Zur Einteilung der Wissenschaften. Berlin, Verlag der Königl. Akademie der Wissenschaften, 1907.

³⁴ Brentano F. Über die Gründe der Entmutigung auf philosophischem Gebiet // Über die Zukunft der Philosophie. Hamburg, Felix Meiner Verlag, 1925, S. 92 ff.

³⁵ «Конкретными я называю науки, если они дают знание об индивидуальных и в определенном смысле случайных фактах, абстрактными, если они направлены на исследование общих и необходимых законов». К конкретным относились исторические науки, география, к абстрактным психология, математика и геометрия, естествознание (манускрипт М 35, 30351,

мости науки делились на точные (математика, теоретическая механика, дескриптивная психология) и гипотетические (естественные науки, в том числе, физиология). По методу на априорные (математика, геометрия, дескриптивная психология) и эмпирические (естественнонаучные дисциплины дающие каузально-индуктивное объяснение)³⁶, с 80-х годов появляется классификация наук на дескриптивные (ботаника, зоология, анатомия, дескриптивная психология) и объясняющие, т. е. дисциплины дающие каузальное объяснение, к которым причислялась помимо естественно научных дисциплин также метафизика.

Естественные науки Brentano понимает, скорее, как ансамбль дисциплин, объединенных единством их предметной сферы — физических феноменов. При этом внутри этого корпуса наук он признает как множественность объектов исследования, так и несводимую множественность методических средств. Естественные науки не должны редуцироваться к какому-либо определенному типу проблематики, закономерности или методологическому проекту. Так, в отличие от Канта и Дильтея, для которых факт естествознания составляли галилеевско-ньютоновская механика и математика, Brentano объединяет здесь *на равных условиях* как науки с физикалистскими и механистическими моделями исследования, так и науки, практикующие сравнительные морфологические методы, в частности, ботанику, биологию, анатомию³⁷. Он критикует Дильтея за подобное отождествление естествознания с механистической моделью познания, и именно в этом видит причину противопоставления естественных наук наукам о духе³⁸. Выражение «метод естественных наук» выполняет у Brentano роль родового понятия, обозначающего всю совокупность методов апостериорных наук. Их частные методики могут рассматриваться как видовые отличия единых для науки принципов эмпирического познания. Выражение «естественные методы познания» приобретает в этом контексте нормативный характер и может пониматься как «правильные» или «продуктивные» методы исследования. Оно, следовательно, обозначает не конкретные методики, но в целом такую исследовательскую практику, которая соотнобразуется с особенностями предмета исследования, примером чего мог бы служить стиль работы самого Brentano. Мы не встречаем у него утверждения одного единственного истинного философского метода, но скорее целый арсенал методических стратегий, которые варьировались в зависимости от сферы исследования: в психологии он практикует дескриптивно-аналитический подход, аналогичный морфологическому анализу в ботанике и биологии; в психологии чувств

цитируется по Tiefensee E. *Philosophie und Religion bei Franz Brentano*. S. 199–200). Это различие аналогично виндельбандтовской классификации наук на идеографические и номотетические.

³⁶ Все науки, по Brentano, имеют эмпирическое основание поскольку получают свои понятия из опыта. К априорным относятся науки, черпающие свои понятия из опыта, но абстрагирующиеся от него и развивающиеся в виде дедуктивного анализа содержания понятий.

³⁷ Штумпф различает на этой основе два общие типа научных закономерностей: каузальные и структурные.

³⁸ Brentano F. *Über die Zukunft der Philosophie // Über die Zukunft der Philosophie*. Felix Meiner, Hamburg, 1929, S. 31 ff.

(Sinnespsychologie) опирается на эксперимент и индукцию; в метафизике и теологии на дедуктивно-аналитические процедуры³⁹.

Так же как и в отношении естествознания Brentano дает весьма широкое определение философской науке. К философским он относит те дисциплины, которые прямо или косвенно имеют дело с психическими феноменами. Таким образом, разграничение физических и психических феноменов приобретает у него общетеоретическую значимость, оно не ограничивается лишь целями обоснования психологии, но используется также в качестве основы для определения границ и единства философской проблематики в целом. Оно включает в философию как традиционные дисциплины, которые в силу общности предмета учитывают в том числе и психические феномены, так и специальные психологические или психологически фундированные исследования. В результате Brentano приходит к эклектичному определению философии, которое сохраняет, с одной стороны, аристотелевское понятие философии как общей науки о сущем (метафизика в широком и узком смысле слова), с другой же, дает ей определение на основе (по сути картезианского) дуализма физических и психических феноменов. Такая амбивалентная позиция выражает, по нашему мнению, попытку Brentano интегрировать в философию традиционную и современную проблематику с учетом той динамичной ситуации, в которой оказалась немецкая университетская философия в 60–90 годах 19-го века. Это время эмансипации и отделения от философских факультетов естественнонаучных дисциплин и вместе с тем возникновения и бурного развития таких специальных эмпирических направлений исследований, как социология, экспериментальная психология, экономика, которые еще не оформились в качестве самостоятельных наук и все еще принадлежали к канону философии. В этой связи понятно, почему постоянным объектом рефлексии у Brentano и его последователей становится вопрос о единстве философской науки, который решался путем разграничения двух базисных предметных сфер познания — физических и психических феноменов. Психология при этом, оставаясь частной эмпирической наукой, получала значение общепсихологического основания, поскольку именно ей отводилась задача определения и разграничения предметных сфер основных ветвей науки. «Психологизм» брентановской школы служил в этом контексте в качестве эвристического принципа, обеспечивающего институциональное единство философских дисциплин. Brentano, а вслед за ним Штумпф, Марти, Майнонг, не отождествляли, таким образом, философию с определенным типом проблематики или определенной дисциплиной, но понимали под ней комплекс эмпирических специальных исследований, имеющих различные объекты, практикующих разнообразные методы, объединенные лишь базисным единством предметной сферы⁴⁰. Ис-

³⁹ Это замечание принадлежит Э. Тифензее (см. Tiefensee E. Philosophie und Religion bei Franz Brentano S. 229–231).

⁴⁰ Показательна позиция Майнонга: «Если подобному напору уступают, то приходят к пониманию, что “философия” без противостественного ограничения не может означать одну единственную замкнутую науку, но должна охватывать многие из наук, и мне казалось то, что связывает эти науки между собой и таким образом делает науками философскими заключается в том, что все они имеют в качестве предмета либо исключительно внутренние пе-

ходя из этого, габилитационный тезис о единстве философского и естественнонаучного метода можно принять в буквальном смысле. В указанных дисциплинах использовался весь арсенал современных методических средств, начиная с эксперимента и заканчивая дедуктивными и структурно-аналитическими процедурами⁴¹.

Внутри канона философских наук Brentano различает практические и теоретические дисциплины. В отличие от Гуссерля, проводившего в «Логических исследованиях» это различие на основе логического анализа форм нормативных и теоретических суждений⁴², Brentano следует аристотелевским принципам классификации указанных типов наук, а именно, исходит из прагматического критерия классификации согласно целям познания. К теоретическим он относит науки, нацеленные на знание как таковое. В корпусе философских дисциплин — это психология и метафизика в широком смысле слова. К практическим или техническим наукам он относит логику (наука о правильных суждениях)⁴³, этику (науку о правильных эмоциях)⁴⁴, эстетику (науку о правильных представлениях). Их цель не просто знание как таковое, но знание в качестве средства достижения тех или иных практических результатов, будь-то в теории познания, будь-то в этических или эстетических предпочтениях. Общим для них является их номотетический характер — они трактуются как нормативные дисциплины⁴⁵, а также то, что все они требуют психологического обоснования. Они не могут быть признаны полностью независимыми от психологии, поскольку должны заимствовать у нее базисные для них понятия психических феноменов. Давая психологическое обоснование нормативных дисциплин, Brentano дистанцируется от современных ему радикальных натуралистических (в духе раннего неокантианства или Фехнера) обоснований теории познания, этики и эстетики. Определение предмета естествознания и психологии на основе различения физических и психических феноменов означало, таким образом, не только обоснование психологии

реживания, либо, самое меньшее, также внутренние переживания. Сама психология, а также в не меньшей степени теория познания, логика, этика и педагогика сразу попадают под эту точку зрения, в то же время также метафизика, вследствие универсальности ее постановок вопросов, включает в свою сферу внутренние переживания» (Майнонг А. «Самоизложение» М., Дом интеллектуальной книги, 2003, с. 19).

⁴¹ Эта позиция стала, по нашему мнению, методологическим основанием для развития в Brentановской школе экспериментальной психологии, поскольку она также трактовалась в качестве философской дисциплины (см. Stumpf C. Zur Einteilung der Wissenschaften. S. 88–89). Brentано активно ратовал за организацию института экспериментальной психологии в венском университете (Brentano F. *ber die Zukunft der Philosophie*. Felix Meiner, Hamburg, 1929, S. 52), Марти первый в Австро-Венгрии добился финансирования психологических экспериментов в Пражском университете, экспериментальные психологические лаборатории были организованы Майнонгом (грацкая психологическая школа), Твардовским, Штумпфом.

⁴² См. § 14–16 его «Пролегомены к чистой логике».

⁴³ Идея логики как органа познания, цель которого состоит в том, чтобы дать, по возможности, простые правила правильного суждения, реализуется в Brentановской реформе по упрощению аристотелевской силлогистики.

⁴⁴ На разных этапах к этике приписывались экономика, политика, социальные науки, см. Tiefensee E. *Philosophie und Religion bei Franz Brentano*. S. 248 Anm. 650).

⁴⁵ Brentано не проводит, в отличие от Гуссерля, различия между нормативными и техническими дисциплинами.

в качестве самостоятельной науки, но и ограничение сферы ведения естественных наук рамками исключительно физических феноменов. Несводимость психических феноменов к физическим подразумевало также независимость от естествознания указанной группы нормативных исследований. На основании психологического обоснования они включаются в канон философских дисциплин. Обоснование научной философии не означает, таким образом, исключения из нее мировоззренческой, нормативной проблематики, но требует, согласно Brentano, ясного разграничения технических и теоретических исследований и установления между ними определенной субординации, а именно, практические дисциплины предполагают теоретическое, т. е. психологическое обоснование⁴⁶. Примером этого служат собственные Brentano усилия по разработке логической и этической аксиоматики на основе психологической дескрипции суждений и эмоций⁴⁷. Но в отличие от радикальных форм психологизма, признававших логику частью психологии, Brentano, Marti, Штумпф рассматривали их скорее как смежные дисциплины (Nebendisziplin)⁴⁸ с односторонней зависимостью. Они взаимодействуют согласно общей схеме научной кооперации, т. е. речь идет о заимствовании истин и понятий подобно тому, как это происходит между другими науками. Фундирующая роль психологии сводится к понятийному анализу элементарных психологических понятий, которые используются также в нормативных дисциплинах. В ответ на упреки в психологизме, Marti подчеркивал принципиальную несводимость логических законов к законам психологии. Он различает их соответственно как нормативные принципы и законы реального причинения (отождествляет, таким образом, в этом контексте законы психологии, с законами каузальной необходимости). Он не согласен также с тем, что из психологического обоснования логики и нормативной трактовки ее законов следует, что логические законы должны предполагать существование психического или содержать в себе суждения о психических фактах (см. третье следствие психологизма у Гуссерля в «Прологоменах» § 23). Вслед за Brentano он трактует логические законы, подобно всем аподиктическим суждениями, как негативные суждения, которые не содержат никаких фактических предположений или утверждений⁴⁹.

Marti проецирует с небольшими модификациями Brentano систему наук в сферу языкознания. В «Исследованиях основания общей грамматики и философии языка» исходным является различие «конкретно-исторических наук» и «законы полагающих абстрактных наук». Первые — это дисциплины, имеющие дело с историей языка, предмет которых образуют историчес-

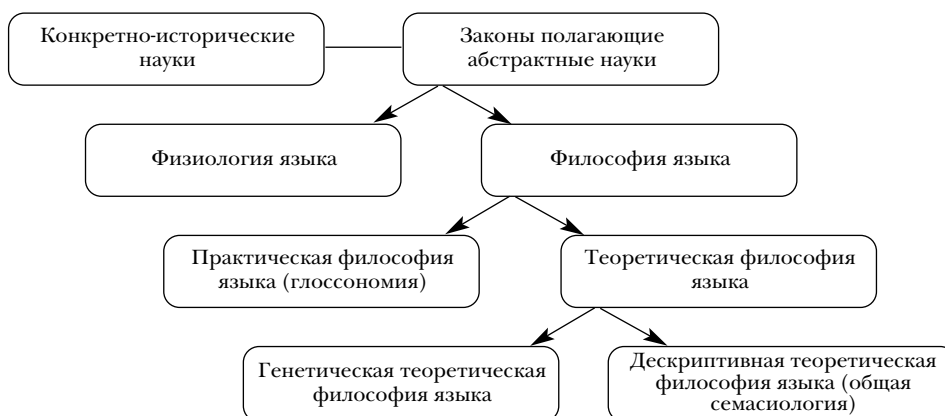
⁴⁶ «В самом деле, они извлекают из психологии, совершенно так же, как искусство машиностроения, искусство агрономическое и медицина из теоретической части естествознания, свою наиболее существенную пищу» (манускрипты М 96, 32078, М 18, 30217 цитируются по Tiefensee E. Philosophie und Religion bei Franz Brentano. S. 248 Anm. 650).

⁴⁷ См. например Ф. Brentano «О происхождении нравственного познания». Алетея, Санкт-Петербург, 2000, с. 46 сл.

⁴⁸ Выражение Штумпфа (см. Stumpf C. Zur Einteilung der Wissenschaften. S. 87).

⁴⁹ Marty A. Untersuchungen... S. 7, 10. Например, общеутвердительное категорическое высказывание «все люди смертны» выражает на самом деле, согласно Brentano, экзистенциальное негативное суждение «не существует бессмертного человека».

кие индивидуальные факты, вторые — это науки, нацеленные на установление общих и необходимых закономерностей в языковых явлениях. Последние распадаются на две ветви: физиологию и философию языка. Образцом физиологии языка для Марти служило течение младограмматиков, редуцировавших лингвистические исследования к изучению фонетических изменений, в основу которых они полагали физиологические механизмы. «Философскими, пишет Марти, являются исследования психологов, а также все исследования направленные на общее и закономерное, которые должны опираться на них и примыкать к ним в том отношении, что их объединение в единых руках вместе с психологическими исследованиями требуется в интересах целесообразного разделения труда»⁵⁰. И далее: «На основе моего понятийного определения философии... мы теперь можем сказать относительно философии языка, что к ней принадлежат все касающиеся общего и закономерного в языковых явлениях проблемы, которые оказываются объединенными эвристической взаимопринадлежностью в той мере, в какой они либо имеют психологическую природу, либо не могут быть решены без преимущественной помощи психологии»⁵¹. Как видно в основе его определения философии языка лежит брентановское разграничение естественных наук и психологии. Он выводит за ее рамки проблематику, связанную с физикалистскими процессами. Отсюда ясно также, почему физиологии или естественнонаучному исследованию языка Марти противопоставляет не психологию как таковую, но в целом комплекс философских дисциплин, имеющих дело с языком. Психология обеспечивает единство корпуса этих дисциплин и является его важнейшей, но не единственной частью. Философия языка делится на практическую и теоретическую. В практическую часть или, как ее называет Марти, «глоссономию» входят дисциплины, рассматривающие язык с «практико-номотетической» точки зрения. Здесь объединяются нормативные дисциплины как логика, эстетика, этика, рассматривающие язык в контексте тех или иных прикладных (гносеологических, морально-политических, эстетических) требований. Теоретическая философия языка включает генетическую и дескриптивную философию языка. Общая схема Марти наук о языке следующая:

⁵⁰ Marty A. Untersuchungen... S. 6.

⁵¹ Marty A. Untersuchungen ... S. 19.

Своеобразие этой классификации, в сравнении с современными ей подходами, состоит в том, что, несмотря на разделение конкретно-исторических и абстрактных наук, Марти не исключает из последних, как это имело место у Пауля, генетической проблематики развития языка. В теоретической философии языка наряду с дескриптивным он выделяет также генетический подход. Это означает также, что генетическая проблематика не редуцируется как у младограмматиков к физиологическим законам фонетических изменений, а остается в рамках философии языка, т. е. предполагает существование психологических законов его эволюции.

В основе различия генетической и дескриптивной частей теоретической философии языка лежит Brentano'sкое разделение генетической и дескриптивной психологии. Brentano исходил из традиционной для начала 19-го века классификации наук на объясняющие (каузальные) и описательные (к последним относились география, ботаника, зоология, минералогия). Он проводит, в частности, аналогию с принятым вплоть до середины 19-го века делением геологии на «дескриптивную» или геогнозию и «динамическую», и даже называет дескриптивную психологию по аналогии с геогнозией психогнозией⁵². Новизна его подхода состояла не в самой классификации, а в переоценке эпистемологической значимости, которой обладает дескрипция в психологической сфере. Если позитивистски ориентированные психологи, как Дж. Ст. Милль или Бейн, не относили дескрипцию к познанию в строгом смысле слова, но оценивали ее лишь как вспомогательную и подготовительную процедуру, а теоретическое познание отождествляли с каузальным объяснением, то у Brentano она вводится в контексте иной объяснительной схемы. Цель дескрипции, согласно ему, заключается в выявлении базисных (простейших) элементов психических явлений и в установлении возможных способов их взаимосвязи. Однако отношения между «элементами сознания» описываются им не в терминах каузальных связей, но как отношения взаимозависимости и импликации (взаимная или односторонняя отделимость/неотделимость элементов друг от друга). Иначе говоря, речь идет не о каузальном объяснении феноменов сознания, но об экспликации их собственной структуры, по существу, условий возможности тех или иных типов предметности. Дескрипция не сводится, таким образом, к установлению неизменных признаков явлений и их номенклатуры. Цель ее в том, чтобы прояснив психологические понятия (в том числе установив исчерпывающий перечень простейших данных («элементов») сознания), затем аналитически, исходя из их собственного содержания, установить возможные и необходимые спо-

⁵² У Вевеля в «Истории индуктивных наук астрономии, физики, механики, химии, геологии и т. д. с самых ранних начал вплоть до нашего времени» (1841) «дескриптивная геология» понималась как дескрипция различных минералов, драгоценных металлов, земных слоев, которая предшествует каузальному объяснению их возникновения. См. Whewell W. Geschichte der induktiven Wissenschaften der Astronomie, Physik, Mechanik, Chemie, Geologie etc. von den frühesten Anfängen bis zu unserer Zeit. Stuttgart, 1841, III. Teil. Подробно об этом Hedwig K. Deskription. Die historischen Voraussetzungen und die Rezeption Brentanos // Brentano Studien. Würzburg, 1989, Bd. 1. Marek J. Ch. Psychognosie – Geognosie. Apriorisches und Empirisches in der deskriptiven Psychologie Brentanos // Brentano Studien. Würzburg, 1990, Bd. 2. А также Brentano F. Deskriptive Psychologie, Hamburg, Felix Meiner Verlag, 1987, S. 6, 128.

собы их связи. Дескриптивная психология постулируется как априорная, т. е. аналитическая дисциплина подобная математике (аналитика психологических понятий), которая также как математика, теоретическая физика претендует на статус точной науки⁵³. В отличие от физиологии, с ее каузальным гипотетическим объяснением, основанном на индуктивных обобщениях, дескриптивная психология претендует на установление абсолютно достоверных аподиктических истин. Она также логически предшествует генетическому подходу, поскольку последний заимствует у нее психологические понятия.

Марти определяет генетическую философию языка как дисциплину о развитии языка, дескриптивная же философия языка или «общая семасиология» понимается им как наука о функциях и значении языковых средств. Подобно Brentano, он отдает приоритет дескриптивному исследованию. Общая семасиология образует важнейшую и базисную часть философии языка. Однако, в отличие от других учеников Brentano, в частности от Штумпфа и Гуссерля, Марти на практике не отождествляет дескрипцию со структурно-аналитическим исследованием феноменальных данных сознания или значений. Этим отчасти объясняется расхождение в проектах универсальной грамматики Марти и Гуссерля, речь о котором пойдет ниже. По крайней мере, в рамках его философии языка дескрипция не совпадает с какой-либо одной определенной методической или эвристической моделью, поэтому, различие генетического и дескриптивного подходов не подразумевало здесь прямого противопоставления каузального и структурно-аналитического объяснения, как это было у Brentano. Указанное различие ближе сосюрсовскому размежеванию диахронической и синхронической проблематики, внутри которых также проводилась дифференциация методических моделей. Хотя, в отличие от Соссюра, Марти даже по методологическим соображениям не противопоставлял генетическую и дескриптивную точки зрения, а продолжал трактовать их в духе брентановской схемы не как взаимоисключающие, но как поддающиеся интеграции взаимодополняющие подходы.

«Нативизм» и «эмпирико-телеологическое понимание языка»

В философии языка Марти прослеживается та же характерная тенденция, что и в философии Brentano в целом, а именно попытка синтезировать традиционную проблематику с современными методическими моделями исследования. У Марти это выражается в установке на эмпирическое обоснова-

⁵³ Тот факт, что к 19-му веку статус точных наук закрепился исключительно за математическим и физикалистским познанием, является для Brentano выражением не только ненаучного состояния философии, но и в принципе ошибочности принятых принципов классификации наук. Об этом свидетельствует первый габилюационный тезис, в котором он возражает против противопоставления точных и спекулятивных наук, имея в виду под последними теоретическое познание, т. е. в том числе и философию. См. Brentano F. Die Habilitationsthesen // Brentano F. über die Zukunft der Philosophie. Felix Meiner, Hamburg, 1929, S. 137. См. также подробнее о понятии «спекуляции» и «точных наук» у Sauer W. Erneuerung der philosophia perennis: über die ersten vier Habilitationsthesen Brentanos // Skizzen zur österreichischen Philosophie (hrsg. R. Haller) Amsterdam-Atlanta, GA, 2000 S. 121–122; и у Tiefensee E. Philosophie und Religion bei Franz Brentano. A. Franke Verlag, Tübingen-Basel, 1998, S. 63–68.

ние философии языка, и вместе с тем в обращении к проблематике, традиционной для языкознания 18-го века, ассоциировавшейся в науках о языке 19-го века скорее с преднаучной стадией развития наук о языке.

Следуя эмпирической установке, Марти критически оценивает «органицистские» модели языка 19-го века. В частности, он критикует за спекулятивные конструкции и допущения концепции В. ф. Гумбольдта и романтиков, представлявших язык как самостоятельный организм и определявших его как эманацию народного духа, творческий акт мышления и т. д. Его не удовлетворяют также более современные модели младограмматиков, трактовавших развитие языка по аналогии со становлением естественного организма, как подчиненное слепо действующим каузальным законам, независимым от воли индивида. Подобный подход не учитывает социального характера языка, а именно это было исходным постулатом исследований самого Марти. Язык может и должен быть понят по аналогии с прочими социальными явлениями. Философия языка должна, следовательно, предложить такую модель развития и функционирования языка, которая также могла бы быть применена при объяснении возникновения и развития других социальных институтов⁵⁴.

Марти возвращается к традиционной для языкознания 18-го века проблематике происхождения языка. С этой генетической точки зрения он дает ответ на вопрос о его природе и способе функционирования. Главным объектом критики для него становятся теории Штейнталя, Лазаруса, Вундта, которые объединяются им под общим термином «нативизм». Нативизмом он называет мнение, согласно которому «... возникновение языка нельзя объяснить без предположения, что у первобытного человека благодаря восприятиям, которые он испытывал, совершенно произвольно и благодаря некоему уже врожденному психическому механизму вызывалось определенное число оноματοпоэтических (самих по себе понятных) звуков и жестов (“языковой рефлекс”»». И далее он продолжает: «Я со своей стороны пытался обойтись без этого бездоказательного предположения (эмпиризм) и отводил уже для самых ранних стадий возникновения языка решающую роль потребности в сообщении и мотивированному благодаря ей *намеренному* образованию средств обозначения (не только в противоположность к нативизму, но также ко многим эмпирикам — теория случайности Гайгера), все же, вместе с тем, я также решительно отказывался предписывать тот выбор и образ языковых знаков какому-либо планомерному расчету или рефлексии (теории изобретения)»⁵⁵. Нативизм обозначает теории, которые видели источник языка в произвольных, инстинктивных рефлекторных реакциях на те или иные ситуации и состояния как, например, плач, крик от боли или от страха, и трактовавшие подобные самовыражения в качестве естественных, первичных, само собой разумеющихся знаков. Такие теории Марти считает неудовлетворительными по двум принципиальным соображениям. Их объяснения базируются на гипотетических допущениях эмпирически непрове-

⁵⁴ Эту идею Марти обосновывает в «Die Frage nach der geschichtlichen Entwicklung des Farbensinnes», Gerold, Wien, 1879.

⁵⁵ Marty A. Selbstanzeige der zehn Artikel Sprachreflex // Gesammelten Schriften, 1. Bd., 2. Abt., S. 307.

ряемых механизмов и способностей⁵⁶. Во-вторых, они не учитывают коммуникативный характер языковых сообщений. Марти уступает в том, что первые языковые выражения могли быть бессознательным и рефлекторным выражением душевных состояний. Однако, выражения становятся языковыми знаками в собственном смысле слова лишь тогда, когда они намеренно создаются и используются в целях сообщения и взаимопонимания. Намеренность является существенным признаком языкового сообщения как такового. Происхождение языка может быть объяснено не путем редукции современных языковых средств к предполагаемым примитивным состояниям, но на основе описания психических способностей субъектов коммуникации и коммуникативных функций языка.

Ориентиром для Марти служили коммуникативные теории языка 18-го века, рассматривавшие его как инструмент коммуникации, воплощенный в чувственной форме. С учетом того, что в философии 19-го века постепенно слабел интерес к коммуникативной концепции, можно сказать, что Марти вступает в оппозицию к доминирующей тенденции современного ему языкознания и стремится к реабилитации традиционного для 18-го века инструменталистского учения о языке⁵⁷. В его понимании: «Язык — это органон, который, как любой инструмент, может быть постигнут из целей или задач, которые он должен выполнять...»⁵⁸. Свою позицию он обозначает как «эмпирико-телеологический» подход. Его своеобразие становится наглядным на фоне современных ему тенденций. Обоснование языкознания в качестве строгой науки в 19-ом веке шло по пути развития эмпирических, главным образом сравнительных и филологических методов. При этом исследование не выходило за рамки языкового материала, все факторы, лежащие за его пределами, оказывались для него irrelevantными⁵⁹. Телеологическое же понимание языка как инструмента, организованного для выполнения определенных коммуникативных целей, вовлекает в поле зрения субъектов коммуникации и предполагает, что исследование должно принимать в расчет внеязыковые коммуникативные потребности и эффекты. Прагматический аспект, а именно коммуникативные намерения и эффекты образуют отправную точку исследования. В отношении к ним устанавливаются функции, которые должен быть способен выполнять язык, чтобы служить средством социальной коммуникации. Также сама упорядоченная структура языка должна быть понята исходя из способов его употребления в тех или иных коммуникативных целях.

Базисным для критики нативизма у Марти является различие первичных и вторичных интенций⁶⁰: «...изъявление [Kundgabe] собственной психической жизни не есть единственное и первичное из того, что интендировано

⁵⁶ Marty A. *ber den Ursprung der Sprache*, Stuber, W rzburg, 1875, S. 63–68.

⁵⁷ См. Spinicci P. *Phänomenologischer Objektivismus und Sprachpragmatik: Grundkonzepte der Sprachauffassung Anton Marty* // *Zeitschrift für Semiotik*, Bd. 23, Heft 1 (2001), S. 40–41.

⁵⁸ Marty A. *Untersuchungen...* S. 53.

⁵⁹ Aarsleff H. *From Locke to Saussure. Essay on the Study of Language and Intellectual History*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1982, p. 303.

⁶⁰ Феномен интенциональности в философии языка Марти обозначает, таким образом, структуру коммуникативных намерений.

при намеренной речи [Sprechen]. То, что преследуется в первую очередь — это скорее определенное влияние или управление чужой душевной жизнью слушающего. Намеренная речь является особым видом действия, подлинная конечная цель которого заключается в том, чтобы вызывать в других существах определенные психические феномены. В отношении к этой интенции изъяснение или указание процессов в собственном внутреннем оказывается только средством или *παράεργον*, и таким образом, каждая намеренная речь обнаруживает множество сторон и различных способов бытия знаков, и один вид этого намеренного знакового посыла [Zeichengebung] является опосредованным, другой, напротив, в большинстве случаев непосредственным»⁶¹. Таким образом, непосредственно выраженные психические феномены и их содержания не являются тем, что первично интендируется, но играют лишь роль средства для достижения определенных коммуникативных воздействий на чужую психическую жизнь. Возникновение языка должно быть понято исходя из указанных коммуникативных целей. Развитие языка представляется им как множество индивидуальных нововведений, каждое из которых является намеренным изобретением определенной языковой формы для выполнения сиюминутных прагматических задач. Эти нововведения принимаются или нет языковым сообществом, которое отбирает более приемлемые (удобные) формы. Тем самым он подчеркивает в отличие от нативистов, что языковые формы изначально носят конвенциональный и произвольный характер и не могут быть редуцированы к каким-либо естественным (врожденным) диспозициям. В принципиальных чертах эта концепция эволюции языка воспроизводит дарвиновскую модель эволюционного развития, имеющего вид естественного отбора путем проб и ошибок более приспособленных к конкретным потребностям языковых форм. Но в отличие от концепций 18-го века, в частности Тидеманна, Марти не уподобляет развитие исторических языков с конструированием искусственного научного языка. Развитие исторически сложившихся языков носит непланомерный характер, оно хотя и имеет вид множества сознательных нововведений, однако таковые делаются без учета языка как целого. «Не на основе исчерпывающего анализа подлежащей выражению душевной жизни и ее содержания и не посредством проницательного расчета целесообразных форм обозначения для нее, но сначала в связи с весьма примитивной душевной жизнью, возвышая ее и возвышаясь в свою очередь ею, шаг за шагом приспособляясь к ее совершенству, выросли наши народные языки; из беспланных вкладов многих, каждый из которых имел в виду лишь устранение затруднений для сиюминутной потребности в понимании, и ни один целое задач. И целесообразность и единство, которые все же обнаруживает возникшее таким образом целое, есть результат естественной борьбы за бытие и постоянного отбора более употребимого из различных испробованных средств и методов...»⁶².

Проводимое Марти различие нативистского и эмпирико-телеологического подходов выходит по своей значимости за рамки проблематики происхож-

⁶¹ Marty A. Untersuchungen... S. 284.

⁶² Marty A. *ber das Verh ltnis Grammatik und Logik* // *Gesammelten Schriften*, Halle, 1920, 2. Bd., 2. Abt., S. 62.

дения языка и даже в целом общей теории языка. Хотя сам Марти не увидел здесь возможности рассмотреть их как разные методологические и дисциплинарные подходы. Он персонифицирует нативистскую позицию с теориями Штейнталя и Вундта и в целом оценивает ее как ложную трактовку происхождения языка. Вместе с тем, нативизм, если рассмотреть его как общую исследовательскую стратегию, представлял собой попытку постичь язык по аналогии с естественными феноменами на основе каузальной объяснительной схемы. Критика Марти фактически ставит под вопрос применимость подобной модели к языку. Хотя сам Марти не пришел к такому широкому обобщению своей критики и следовал брентановскому компромиссному определению философии языка — она является частью наук о языке, имеет вместе с ними единый предмет и метод, и отличается от них точкой зрения, т. е. тематизируемой в ней проблематикой⁶³. В центре его внимания была современная ему оппозиция спекулятивных и эмпирических наук, которой он стремился избежать, доказывая эмпирический характер всех научных исследований языка и выдвигая на первый план психологическое обоснование философии языка. Понятно, что в ситуации, когда философское исследование ассоциировалось со спекуляцией, Марти всячески избегает дифференциации между философией и естественными науками по методу и следует брентановскому постулату об их методологическом единстве. Вместе с тем, на деле дифференциация между естественнонаучным и философским подходом к языку проводится у него не только на основе их размежевания по предмету и проблематике, и следовательно, не только путем психологического обоснования философии языка (см. исключение из философии языка физиологии), но также с методологической точки зрения, в чем нам как раз видится первоочередная ценность критики нативизма. Исходным в определении собственного предмета философии языка является у Марти различие естественных и искусственных знаков⁶⁴. Язык в собственном смысле слова — это намеренно образованный искусственный знак. Его организация и способ бытия в качестве языка определяется теми целями, которые ставят перед ним субъекты коммуникации. Таким образом, язык понимается как телеологическое образование, это инструмент, инструментальная природа которого не может быть выявлена путем описания его физикалистских свойств (физиологический подход младограмматиков), каузально-механистического объяснения его генезиса (нативизм) или структурно-аналитического исследования организации его элементов (Гуссерль). Фактически Марти трактует язык как артефакт, который может быть понят в своем собственном бытии лишь с учетом тех целей и тех прагматических задач, для которых он создается и которые выполняет. Это означает, что язык в своем существовании не может быть понят без тематизации его связи с интерактивным сообществом, организующим его в соответствие с собственными коммуникативными потребностями. Он не может быть адекватно понят без учета его прагматических аспектов. Объектом исследования у Марти становится речь, понятая как вид коммуникативного действия, которое описывается с учетом как коммуникативных намерений говоря-

⁶³ Marty A. Untersuchungen... S. 4–5.

⁶⁴ Там же S. 3–4.

щих, так и коррелятивных им коммуникативных эффектов у слушающих. Тем самым накладывается ограничение не только на каузальную модель объяснения нативистов, но и на структурно-аналитическую модель исследования Brentano, позднее использовавшуюся Husserl для построения «чисто логической грамматики». У Marti язык не объективируется как некое замкнутое целое структурных взаимосвязей значений или знаков. Его дескриптивная теория значения, как мы покажем далее, не ограничивается структурно-аналитическим исследованием семантических и грамматических форм (что говорит также о многозначности понятия дескрипции в Brentano-ской школе). Такого исследования еще недостаточно, чтобы схватить язык в его инструментальной функции. Marti предлагает функционально-телеологическую модель исследования языка аналогичную функциональной модели, которая развивалась в Пражском лингвистическом кружке⁶⁵. Функции языка определяются исходя из тех задач, которые он выполняет в качестве средства коммуникации. Как мы увидим далее, Marti дает им психологическую трактовку, отождествляя коммуникативные задачи с коммуникативными намерениями субъектов коммуникации. И вместе с тем, предложенная им модель имеет общетеоретическое значение, поскольку она может использоваться в других гуманитарных дисциплинах, предмет которых образуют артефакты⁶⁶. Сам Marti считал возможным использовать эту модель для объяснения также других социальных институтов, можно сказать, что философия языка выступает у него как основа общей теории артефактов, выполняя функцию ее общетеодологического обоснования.

Общая семасиология

С начала 90-х годов в работах Marti происходит существенная переориентация — генетическая проблематика вытесняется проблемами общего дескриптивного учения о значении. Его разработку Marti рассматривает как приоритетную цель философии языка. В центре его интересов оказывается «теоретическая дескриптивная философия языка» или «общая семасиология». В систематической форме стоящий перед ней круг задач формулируется в «Исследованиях по основанию общей грамматики и философии языка»: «Язык — это органон, который, как любой инструмент, может быть достигнут из целей или задач, которые он должен выполнять, и поскольку семасиология имеет его в виду в качестве средства выражения для психических процессов в говорящем и соответствующего управления чужой душевной жизнью, то она — чтобы подняться до уровня общего рассмотрения — должна представить требования, которые, говоря просто, предъявляет к языку такая

⁶⁵ На универсальную теоретико-методологическую ценность телеологической концепции языка Marti и ее связь с Пражским кружком обращает внимание D. Mюнх (см. M nch D. Roman Jakobson und die Tradition der neuaristotelischen Ph nomenologie // Prager Strukturalismus. Methodologische Grundlagen. Hrsg. M. Nekula, Heidelberg, 2003, S. 152–153.

⁶⁶ Практически эта идея была реализована в Пражском лингвистическом кружке, в котором функционально-телеологическая модель, первоначально развитая в фонологии, была применена также в поэтике, литературоведении и общей эстетической теории художественных объектов (Мукарежовский).

цель сообщения»⁶⁷. Поскольку Марти рассматривает язык как инструмент для выражения говорящим собственных психических феноменов и их содержания, а также для инициации аналогичных феноменов у других, фундамент общей семасиологии образует дескриптивная психология, цель которой Марти видит, подобно Brentano, в выявлении основных элементов данных сознания (его возможных предметов), а также в систематизации и экспликации возможных способов их взаимосвязи: «Все что выражает язык, есть [...] психические отношения и их объекты. Кто обладает правильным общим понятием о них, обозревает тем самым также все семантические возможности, которые могут быть реализованы когда-либо в каком-либо языке»⁶⁸. Задача общей семасиологии состоит в том, чтобы определить те функции и языковые (грамматические) формы, которыми с необходимостью должен был бы обладать язык, если бы он был полной [I skenlos] системой выражения всех возможных первичных и вторичных семантических категорий, т. е. всей совокупности психических феноменов и их возможных объектов⁶⁹. Иначе говоря, она должна показать необходимые языковые формы, которыми должен был бы обладать язык, чтобы быть совершенным средством коммуникации. Задачи общей семасиологии частично совпадают с целями дескриптивной психологии. Она сначала должна определить основные семантические категории, т. е. основные виды того, что доступно выражению в языке. Для этого в совокупности психических данных должны быть установлены простейшие элементы и возможные способы их взаимосвязи. В этой части метод общей семасиологии совпадает с Brentano-ской идеей дескрипции, как анализом данных сознания с целью создания их общей морфологии и теории их отношений. Отличие же от психологии начинается там, где семасиология приступает к выполнению ее собственной задачи, т. е. к определению возможных семантических категорий, для чего недостаточно психологической дескрипции как таковой. Для этого эксплицированные в ходе психологического анализа феномены должны быть соотнесены со знаковой структурой языка, должно быть определено, какие из них поддаются трансляции в языковом сообщении⁷⁰. Далее семасиология должна установить адекватную корреляцию между семантическими и грамматическими формами. Иными словами, должен быть разработан идеальный язык или идеальная грамматика, которая была бы полной и адекватной репрезентацией возможных семантических форм. «Пожалуй для взгляда психологического аналитика комплексное целое психических состояний нашего сознания и их содержаний распадается на определенное число далее неразложимых элементов, кото-

⁶⁷ Marty A. Untersuchungen... S. 53.

⁶⁸ Marty A. über Wert und Methode einer allgemeinen beschreibenden Bedeutungslehre. Ed. O. Funke. Bern, Franke, 1950, S. 41.

⁶⁹ Если бы он был «полным целым выразительных средств для фундаментальных категорий того, что должно в нем выражаться (или логических категорий в этом более широком смысле)» Marty A. Untersuchungen... S. 53–54.

⁷⁰ Несколько забегаая вперед отметим, что, несмотря на коммуникативную концепцию значения, анализ функции изъяснения и ее возможного содержания оказывается необходимым условием для определения семантических категорий. Теория значения Марти в этом отношении остается психологической.

рые частью являются действительно отделимыми и встречаются отдельно [друг от друга], частью также лишь различимыми, в которых нельзя выделить стороны, поддающиеся дальнейшему анализу. И планомерно сформированный на основе подобной, по выражению Brentano, “микроскопической анатомии сознания и его содержаний” научный язык будет воспроизводить посредством элементарных знаков такие элементы и стороны подлежащего в нем выражению содержания и достигать выражения их константного совместного существования или меняющейся связи посредством сформированной согласно твердым правилам связи таких элементарных знаков. И он изображал бы, насколько это возможно, внутреннее плетение запутанной паутины нашей психической жизни в синтаксисе средств выражения»⁷¹. Объектом семасиологии являются не конкретные исторические языки, но идеальный образец языка, понятый как полная и адекватная реализация всех возможных семантических категорий. Для Марти при этом речь не идет лишь о разработке идеальной грамматики с целью адекватной экспликации структур сознания, хотя это также часть задач общей семасиологии как теории значения. На основе подобного идеального языка должны быть установлены универсальные языковые формы, которыми должен обладать любой язык, способный функционировать в качестве инструмента коммуникации. Таким образом, общая семасиология определяет необходимые для любого языка функции, с утратой которых он перестал бы быть языком. Именно поэтому она является базовой частью философии языка в целом.

Есть определенное сходство проектов общей семасиологии Марти и «чисто логической грамматики» Гуссерля, представленной в «Логических исследованиях». На него обращает внимание сам Марти⁷². Оно заключается в общей установке на исследование универсальных и необходимых языковых форм (Марти признает заслугой Гуссерля его усилия по реабилитации проблематики универсальной грамматики), в общей исторической ориентации на рационализм 17–18 веков. К этому также можно добавить, что оба проекта в части их методической реализации восходят к единой отправной точке — Brentanovской модели дескрипции, которая ведется у обоих в терминах фундирования и импликации. Но вместе с тем эти проекты имеют существенную разницу. «Логическая грамматика» Гуссерля была призвана установить априорные условия возможности языка как такового, а именно логические условия осмысленности предложений. Таким образом, речь в ней идет о необходимых логических структурах, которые в той или иной форме воплощаются в каждом языке. Марти полагает, что: «Все же едва ли возможно дать общезначимое и четкое определение того, в какой точке двусмысленность или неточность или неполнота грамматических средств превращает трудность или ненадежность сообщения в [его] полную невозможность. И тем более, что также мера требований, которая фактически предъясняется к различным из исторически данных языков, является часто меняющейся и колеблющейся»⁷³. Границы необходимого для языков могут быть опре-

⁷¹ Marty A. Untersuchungen... S. 59.

⁷² Marty A. Untersuchungen... S. 56 ff.

⁷³ Marty A. Untersuchungen... S. 55.

делены лишь в виде крайних пределов с учетом исторически изменчивых предъявляемых к ним прагматических требований. Если Гуссерль мыслит априорные формы, которые должна выявить его логическая грамматика, как необходимые и общезначимые границы возможных модификаций структуры языковых выражений, а сами структуры сравнивает с каркасом, который присутствует в каждом из языков и как бы наполняется в них различным эмпирическим содержанием (переодевается), то для Марти идеальный язык общей семасиологии есть полная система возможных элементарных значений и языковых функций, которая выступает по отношению к конкретным историческим языкам в качестве совершенного образца или идеала, к которому они более или менее близко приближаются. Он служит эвристической моделью для понимания естественных языков⁷⁴. Общим, несмотря на эти расхождения, остается то, что оба мыслителя признают логический приоритет универсальной грамматики в отношении с другими науками о языке. У Гуссерля логическая грамматика и конкретные исследования языка должны соотноситься между собой также, как в целом должны соотноситься, по Гуссерлю, априорные и эмпирические дисциплины – первые выполняют роль концептуального и методологического обоснования последних; общая семасиология у Марти должна была давать образец для понимания естественных языков и задавать общий шаблон для их сравнительного анализа. Эти проекты сходятся между собой в их ориентации на традиционную идею универсальной грамматики, которая должна была определить общие для всех языков формы, независимые от исторических модификаций конкретных языков.

Но несмотря на эту общую ориентацию, они исходили из весьма различных трактовок соотношения мышления и языка. Гуссерль считал преувеличенным жесткое брентановское разграничение языковых (грамматических) и логических форм, и следовал скорее больцановской трактовке этого вопроса – он критикует тезис о прямом параллелизме между мышлением и языком, но вместе с тем признает, что синтаксические структуры языка отражают базисные логические различия. Таким образом, путем анализа базисных логических форм может быть установлена идеальная структура языка вообще. Марти остался верным брентановской идиогенетической теории суждения и связанному с этим резкому противопоставлению грамматических и логических форм. Кроме того, с телеологической точки зрения отношение мышления и языка мыслится не как отношение печати и отпечатка, но цели и средства. При этом системная структура языка должна быть понята исходя из анализа конкретных коммуникативных требований. Марти, к примеру, не отрицает, что синтаксические структуры могут отражать структуру значений, но вместе с тем дает прагматическую трактовку происхождения синтаксических форм. Исток синтаксической структуры языка он

⁷⁴ Идеальный язык разрабатывается Марти не в целях создания совершенного языка науки, но для объяснения способов функционирования естественных языков. Несовершенство последних понималось не как несоответствие тем или иным требованиям научного познания, но как неполнота языковых средств или их неудобство для удовлетворения коммуникативных задач.

видит в конечности способностей человека. В силу ограниченности человеческой памяти невозможно использовать неограниченное количество знаков, в связи с чем возникает необходимость обходиться в коммуникации ограниченным числом знаков, что привело к тому, что вместо введения новых обозначений уже данные слова стали объединяться в синтаксические связи, получая при этом новые значения. Таким образом, для Марти исток синтаксических форм лежит не в отношениях зависимости значений в сложных семантических образованиях, как это имело место у Гуссерля, но в функции экономии выразительных средств.⁷⁵

Он также отказывается определять семасиологию как чистую или априорную дисциплину. Более подходящим ему видится термин «общая семасиология». Это связано как с различием понятия *A priori* у Гуссерля и Марти, так и с расхождением в проблематике, которую они ставят перед универсальной грамматикой. Марти, вслед за Brentano, отождествляет априорное познание с аналитическими суждениями и полагает, что любая научная дисциплина содержит так понятый комплекс априорных истин, в том числе общая семасиология. Поэтому он не признает гуссерлевскую классификацию наук по принципу априорные/эмпирические и отказывается выделять априорные знания в особую ветвь теоретического познания⁷⁶. Предметом общей семасиологии являются психические данные и общие языковые функции, таким образом, это эмпирическая наука основанная на дескриптивной психологии. Априорный анализ отношений взаимозависимости значений и языковых функций образует важную, но не единственную задачу семасиологии. «Общая грамматика должна описать [...] не только общие всем языкам задачи, общие базисные линии и особенности того, что подлежит выражению во всех человеческих языках или его повсеместно совпадающие категории, но также указать, что общего можно увидеть в отношении метода, которым такие задачи повсеместно удовлетворяются. И это не только не познаваемо а priori, но [...] вообще не познаваемо через рассмотрение области значений»⁷⁷. Марти ставит перед общей семасиологией две принципиальные задачи: определить основные семантические категории, связанные с ними языковые функции и исследовать универсальные способы их реализации. Под последними он имеет в виду способы реализации функций языка, обусловленные реальными обстоятельствами их употребления, прежде всего, психическими способностями носителей языка (дополнение теории значения критикой понятия «внутренней языковой формы» является примером такого анализа универсальных способов реализации языком его функций)⁷⁸.

⁷⁵ То, что язык оформлен синтаксически «...вовсе не является лишь следствие сложного соединения выражаемого содержания и более или менее совершенного сознания этой структуры у тех, кто формировал язык, но еще более является следствие стремления к экономии знаков или сбережению памяти» Marty A. Untersuchungen... S. 59 (см. также S. 534, а также его различие логически обоснованной и необоснованной синсемантики, там же S. 212).

⁷⁶ На этом же основании он критикует идею теории предметов как особой априорной дисциплины Майнонга (см. Marty A. Untersuchungen... S. 63 Прим. 1, а также S. 64 ff).

⁷⁷ Marty A. Untersuchungen... S. 58.

⁷⁸ См. подробно о понятии «внутренней языковой формы» русский перевод «Об отношении грамматики к логике».

Если отвлечься от эпистемиологических различий этих проектов и взять гуссерлевскую идею «логической грамматики» в контексте его концепции наукоучения в целом, то их отношения точнее было бы мыслить не как взаимоисключение, но, скорее, как импликацию более общим проектом «общей семасиологии» Марти более узкого проекта «логической грамматики» Гуссерля⁷⁹. Общая семасиология Марти включает в себя морфологическое учение о значении. Однако, если Гуссерль редуцирует из логической грамматики любые прагматические аспекты использования языка (теория предметов и логическая грамматика должны быть развиты, отвлекаясь от субъективного или ноэтического аспекта познания, отнесенного в «Логических исследованиях» к ведению феноменологии или дескриптивной психологии), то Марти объединяет в рамках общей семасиологии как структурно-аналитическое исследование форм значений, так и психологическое исследование прагматических аспектов использования языка⁸⁰. При этом последнее выдвигается у него на передний план. Можно было бы также сказать, что общая семасиология объединяет проблематику, которую сам Гуссерль разделил в «Логических исследованиях» между наукоучением как теоретической и технической дисциплинами⁸¹. Если первая имеет дело с идеальными предпосылками и условиями познания, то вторая исследует реальные способы их осуществления, к каковым относились также символические методы познания, обусловленные нашей психической конституцией⁸². Косвенно это признает сам Гуссерль. В рецензии на «Исследования» Марти он не отрицает права на существование психологической теории значения (*Bedeutung*) и подчеркивает отличие в направленности его собственных интересов, которые состояли в том, чтобы «не позволить быть вновь погребенным недавно извлеченному кладу больцановской логики»⁸³, т. е. обосновать абсолютную значимость логических законов.

Коммуникативная теория значения

Язык является инструментом коммуникации и может быть понят, как всякий инструмент, исходя из целей, которые он должен выполнять. Марти видит эти цели в выражении собственных психических феноменов, их содержания и в оказании влияния на психическую жизнь того, на кого направлено сооб-

⁷⁹ Бюлер, к примеру, предлагал видеть в проектах универсальной грамматики Марти и Гуссерля не противоположные подходы, которые ставят перед выбором или/или, но взаимодействующие исследования (см. в *hler K. Anton Marty. Untersuchungen...*, S. 950).

⁸⁰ Мы не встречаем у Марти эксплицитного разграничения аналогичного гуссерлевской дифференциации «объективно-логической» и «субъективной», «ноэтической» проблематики (см. в «Пролегоменах» § 32, 65), что связано, по нашему мнению, с различной трактовкой понятия значения (см. далее о коммуникативной концепции значения).

⁸¹ Марти, вслед за Brentano, определял логику как нормативную дисциплину и считал излишним ее гуссерлевское дополнение «чистой логикой» как исключительно теоретической наукой.

⁸² См. более подробно о разграничении проблематики теоретического и технического наукоучения у Гуссерля в этом контексте Громов Р. А. «Слепое» и «Очевидное» у Brentano и Гуссерля (к вопросу об истоках гуссерлевской теории знака) // *Рациональное и иррациональное: грани проблемы*. Ростов на Дону, РГУ, 2002, с. 109 сл.

⁸³ Husserl E. *Besprechungen...*, S. 263.

щение. Он выделяет на этой основе две базовые языковые функции: выражение и значение. Последняя определяется следующим образом: «То, что языковое средство имеет значение или функцию значения, к примеру, [функцию] высказывания, означает для нас, таким образом, что оно предназначено (и в определенных границах также способно) внушать или склонять слушающего к суждению определенного вида»⁸⁴. В языковых сообщениях функции значения отводится приоритетная роль. Знаки, заявляет Марти, в первую очередь интендируются в качестве средств для достижения того или иного коммуникативного эффекта⁸⁵. Функция же выражения играет посредническую роль — с помощью выражаемого психического состояния вызвать требуемое состояние у другого — и является лишь вторично интендируемой. Такое разделение первично и вторично интендируемого можно признать не вполне последовательным, поскольку языковые функции Марти определяет на основании интенций говорящего и здесь можно допустить, что в ряде случаев первично интендируемым может быть именно самовыражение, не преследующее цель коммуникативного воздействия. И тем не менее, Марти настаивает на такой субординации, что явно несет отпечаток полемики с нативизмом.

Термины «значение» и «функция значения» он употребляет как синонимы. Таким образом, вопрос о значении языковых элементов решается через описание того коммуникативного воздействия, которое они оказывают на слушающего. Не корректно было бы отождествлять значение у Марти с успешным коммуникативным эффектом, поскольку цель сообщения достигается не всегда. Можно было бы уточнить его понятие значения следующим образом — это тот коммуникативный эффект, который может интендироваться говорящим и который может быть представлен как таковой тем, к кому обращено языковое сообщение, причем он должен быть понят как требуемый от него на основе языкового сообщения как такового⁸⁶. Людвиг Ландгребе резюмирует следующим образом: «Это совершенное ложное толкование, если понятие значения Марти интерпретируют в том роде, что значение выражения, согласно ему, является психическим феноменом [...]. На основании этой трактовки часто учение о значении Марти критиковалось как психологистское. На вопрос, чем является значение выражения, никогда нельзя, согласно Марти, сказать, что оно является психическим феноменом, но лишь: выражение имеет значение = функцию, вызывать таковой, а именно в целях взаимопонимания. Выражение имеет значение лишь постольку, поскольку оно может выполнять такую функцию или в состоянии содействовать ей. И эта специфическая языковая функция становится возможной только благодаря тому, что знаки являются не только раздражителями, не только вызывают реакции, но благодаря тому, что они вызывают “мысли”. Только на это направлен вопрос Марти о значении и не на то, может ли быть определено “значение” отвлекаясь от этой функции языковых знаков, “есть” ли оно какой-либо психический феномен»⁸⁷. Можно согласиться с этой оценкой. Зна-

⁸⁴ Marty A. Untersuchungen... S. 286.

⁸⁵ Marty A. Untersuchungen... S. 290.

⁸⁶ Marty A. Untersuchungen... S. 362, 382.

⁸⁷ Landgrebe L. Nennfunktion und Bedeutung. Eine Studie über Martys Sprachphilosophie. Halle, 1934, S. 27–28. Anm. 60.

чение не отождествляется у Марти с выражаемыми психическими феноменами и их содержанием. Это ясно уже на основании различения функции выражения и значения. Это различие учитывает тот факт, что не всегда, к примеру, при выражении эмоций выражаемое чувство совпадает с тем чувством, которое хотят вызвать у другого (выражение боли может преследовать цель вызвать сочувствие и т. п.). Значение также не может быть определено исключительно на стороне говорящего путем психологической дескрипции его состояний («...о языковом сообщении в строгом смысле слова речь может идти лишь постольку, поскольку благодаря ему у слушающего производится равное что у и говорящего психическое переживание...»)⁸⁸. Значение может быть определено лишь в контексте возможности коммуникации и предполагает учет коммуникативных эффектов на стороне воспринимающего речь. Хотя в целом определить значение невозможно без психологической дескрипции, поскольку Марти (за редким исключением) дает исключительно психологическую характеристику интендируемого коммуникативного эффекта — инициация у воспринимающего определенных психических феноменов с соответствующим содержанием.

Задача определения базовых семантических категорий решается у него на основе психологии. Марти берет за основу брентановскую классификацию психических феноменов на представления, суждения, феномены любви и ненависти и переносит ее в сферу философии языка. Он выделяет три базовых класса самостоятельных (автосемантических), т. е. имеющих самостоятельное значение, языковых выражений: суггестивы представлений (*Vorstellungssuggestive*), высказывания (*Aussagen*) и эмотивы (*Emotive*). Отношения между ними в целом дублируют те отношения, которые Brentano устанавливал между психическими феноменами. Они не могут быть редуцированы ни к друг к другу, ни к какой-либо иной более простой языковой форме, но сами являются простейшими и несводимыми языковыми единицами. Каждому из них присуща оригинальная функция значения. Таким образом, мы имеем дело у Марти с попыткой развить полифункциональную модель языка — разнообразие языковых функций не может быть редуцировано к какой-либо одной базовой функции. Однако, вместе с тем, языковые функции разных классов выражений, с его точки зрения, могут быть описаны по аналогии друг с другом. Подобно тому, как это делал Brentano, Марти проводит параллель между суждениями и феноменами любви и ненависти, и утверждает на этой основе возможность описать функции эмотивов по аналогии с функциями высказываний и суггестивов представлений. Несмотря на утверждение полифункциональной модели языка, он не отказывается от попытки создать универсальную модель и единую теорию значения, в основе которой лежала бы брентановская психологическая концепция.

Базисным классом автосемантических выражений являются суггестивы представлений, к которым Марти причисляет простейшие и составные существительные («*ein Mensch*», «*die Blumen im Garten*», «*ein rotes Buch*»), субстантивированные прилагательные, имена собственные, субстантивированные указательные местоимения. Их имплицитно как высказывания, так

⁸⁸ Marty A. Untersuchungen... S. 433.

и эмотивы. Теория имени, таким образом, занимает в философии языка Марти центральное место. В суггестивах представлений, как и в двух остальных классах языковых выражений, различаются функции выражения и значения: представления выражают акт представления и инициируют подобный акт у слушающего.

К высказываниям причисляются простейшие тетические предложения типа «А есть»⁸⁹, а также повествовательные предложения. Они выполняют функцию выражения акта суждения. «Высказывания, как правило, означают в широком смысле, что слушающий должен вынести суждение равное по материи и форме тому, которое выражается в качестве имеющего место у говорящего»⁹⁰. Марти не отождествляет понимание с успехом коммуникативного воздействия. Минимальному условию понимания соответствует, если слушающий получил представление содержания суждения, которое намерен вызвать у него говорящий. Достаточно также, чтобы у слушающего возникло убеждение, что у кого-то имеется интенция внушить ему подобное суждение. При этом необходимым условием понимания, соответственно, коммуникативного эффекта не является убеждение в искренности говорящего (в подлинности функции выражения), что объясняет понимание высказываний необдуманных или принимаемых за намеренно ложные⁹¹.

Третий класс образуют эмотивы, к которым относятся просьбы, вопросительные предложения, приказы, призывы. Также в классе эмотивов он различает функции выражения и значения. В этом Марти видит принципиальное отличие своей трактовки эмотивов от гуссерлевского истолкования выражений такого рода. Отличие их взглядов в этом аспекте фокусируется в двух пунктах.

а) Марти утверждает, что Гуссерль, вследствие того, что он не проводит в эмотивах ясного различия функций выражения и значения, трактует их как вид высказываний об эмоциональной и волевой жизни говорящего. По Гуссерлю, они (к примеру, приказы, вопросы, соболезнования) выполняют функцию аналогичную функции окказиональных выражений — дают знать воспринимающему, что акт, который исполняется в данный момент, исполняется в интенциональном отношении к слушающему. Тем самым, подчеркивает Марти, Гуссерлем упускается, что эмотивам присущи принципиально иные, чем суждениям, первичная и вторичная интенции. Они, во-первых, выражают эмоции, во вторых, не сводятся к выражению или описанию внутренней жизни говорящего, а имеют также функцию инициации определенных эмоций и действий⁹². На основании особой функции значения

⁸⁹ Марти разделял брентановскую теорию суждения и критиковал отождествление суждений с предикацией. Базисной формой суждений он считал простые признания («А есть») и отрицания («А нет»).

⁹⁰ Marty A. Untersuchungen... S. 291.

⁹¹ Marty A. Untersuchungen... S. 362. Марти трактует понимание, оставаясь в рамках брентановской концепции психических феноменов, он описывает его не как реальное исполнение того или иного акта, который внушает говорящий, но только как простое представление соответствующего акта и его содержания.

⁹² Marty A. Untersuchungen... S. 367–382.

они должны быть признаны самостоятельным классом языковых выражений, а не подвидом или окказиональной модификацией высказываний.

б) Второй момент, в котором Марти расходится с Гуссерлем, состоит в том, что он признает эмотивы выражением самостоятельного класса, используя терминологию Гуссерля, «объективирующих актов». Чтобы уточнить это утверждение следует иметь в виду амбивалентность понятия значения Марти. Дело в том, что наряду с общим понятием значения, которое понимается как коммуникативный эффект (интендируемое или сознательно инициируемое психическое состояние у слушающего), Марти выделяет в каждом классе языковых выражений также значение в узком смысле. Деление значения в широком и узком смысле у Марти аналогично различию апеллятивной и репрезентирующей функций языка у Бюлера⁹³. Каждый класс языковых выражений наряду с первичной и вторичной интенциями выполняет также функцию репрезентации содержания психических феноменов. Марти проводит различие между предметом и содержанием психических актов и полагает, что каждому типу психических феноменов и, следовательно, языковых выражений соответствует коррелятивный ему тип содержания⁹⁴. Так, в высказываниях предмет суждения репрезентируется как существующий или несуществующий, возможный или невозможный. Значением суждений в узком смысле является бытие, небытие, возможность, невозможность предметов, которые понимались Марти не только как специфическое содержание актов суждения⁹⁵, но и в качестве объективно существующих коррелятов, благодаря которым суждения получают объективную значимость и являются либо истинными, либо ложными. Репрезентирующую функцию выполняют также эмотивы, т. е. они не только выражают и инициируют эмоции, но и преподносят нечто чувству как хорошее или плохое. Они могут имплицировать или вызывать суждения, но это не значит, что их функция значения как в широком, так и в узком смысле может быть редуцирована к суждениям. Специфическим репрезентируемым эмотивами содержанием является, согласно Марти, «ценность» и ее противоположность «незначительная ценность» (Unwert). Следовательно, эмотивы подобно высказываниям выполняют функцию репрезентации, содержат специфическое пропозициональное содержание и могут быть истинными или ложными.

Такая двойственность понятия значения объясняется, на наш взгляд тем, что Марти, с одной стороны, стремился развивать инструменталистскую концепцию языка. Он определяет речь как виды коммуникативных действий, а ее значение в широком смысле как определенные виды коммуника-

⁹³ Ф. Лидтке сравнивает его также с различием «иллокутивной цели» и «пропозиционального содержания» в современной теории речевых актов (см. Liedtke F. Meaning and Expression: Marty and Grice on Intentional Semantics // Mind, Meaning and Metaphysics. The Philosophy and Theory of Language of Anton Marty. Ed. K. Mulligan, Kluwer Academic Publishers, 1990, p. 45).

⁹⁴ Это различие аналогично, с учетом ряда модификаций, различию предмета и содержания актов сознания у Твардовского.

⁹⁵ Марти предпочитает вместо использовавшихся Твардовским, Гуссерлем и Майнонгом терминов Sachverhalt или Objektiv выражение «содержание суждения», подчеркивающее коррелятивный характер данного типа значений к актам суждения.

тивных эффектов, благодаря чему он развивает полифункциональную модель языка и доказывает, в частности, исходя из различия коммуникативных эффектов, оригинальность каждого из выделенных им классов автосемантических выражений. Вместе с тем он дает исключительно психологическую трактовку самих коммуникативных эффектов (отождествляет их с психическими феноменами и их содержанием) и строит единую теорию значения в рамках Brentanovской концепции психических феноменов. Согласно этой концепции, эмоции могут быть описаны по аналогии с суждениями и, в конечном счете, могут быть представлены как когнитивные акты особого рода. Поэтому, несмотря на несводимость выделенных классов языковых выражений друг к другу, все они выполняют единую репрезентативную функцию. Репрезентированное содержание получает наименование значения в узком смысле слова. Следствием этого является то, что к эмоциям, также как к выражениям суждений, в равной мере может быть применена истинностная теория значения, т. е. значение в узком смысле может быть определено в качестве того, что объективно существовало бы, если бы высказывание или эмоция были истинными.